

— Брат Яо, пошли вне дворца искать, кто починит! Четыре ляна серебра — да продай меня с потрохами, всё равно не наберу! А не выйдет дело, так просто выгонят из Шаншуфана! — Цинхэ с возмущенным видом сложил руки в приветствии перед окружавшими их евнухами. — Сегодня прощаюсь со всеми вами! Время покажет, и если мне, Чжао Цинхэ, посчастливится в будущем увидеть своё имя на золотом доске и снова вернуться ко двору, я уж не забуду «заботу» дядюшка Лю!

Начал с угроз! Лу Цзыяо помнил, что Цинхэ ничем особенным в учебе не отличался, и его имя на золотой доске точно появиться не могло. В романе о нем тоже смутно упоминалось: когда Цинхэ вырос, он, как и Лу Цзыяо, стал советником в поместье третьего принца.

Евнухи, смотревшие на эту сцену, уяснив, что его могут выгнать из дворца, тут же засуетились и принялись уговаривать:

— Господин Цин, не кипятитесь! Цена ведь не высечена в камне. Все же свои! Что касается закупщиков, мы можем поговорить с ними за вас!

С этими словами главный евнух обернулся и свирепо метнул взгляд на дядюшку Лю, всем видом предупреждая того не быть слишком жадным.

Цинхэ был их маленьким благодетелем, бегавшим за поручениями за пределы дворца, так что в этой помощи нужно было проявить максимальную искренность.

Однако дядюшку Лю это нисколько не тронуло. Он был обычным мастеровым, с господами не пересекался, щедрых чаевых не получал и во дворцовых поручениях Цинхэ не нуждался.

А что до их знакомства — разве что иногда, когда евнухи угощали Цинхэ едой и выпивкой, дядюшке Лю тоже перепадала малая толика.

Он уже давно с завистью заглядывался на чужие «непредвиденные доходы», а тут выпал такой редкий случай взять левый заказ — разве мог он упустить возможность содрать втридорога?

Лу Цзыяо, видя расклад, почувствовал, что ещё есть шанс сэкономить. Он настороженно оглядел с головой ушедших в работу подмастерьев-плотников и с недоумением шепнул на ухо Цинхэ:

— Он ведь здесь не единственный плотник. Разве мы не можем спросить кого-то другого?

Услышав это, Цинхэ раздраженно косо посмотрел на Лу Цзыяо, явно считая, что тот вообще ничего не соображает.

Не имея ни малейшего желания давать объяснения, Цинхэ обнял деревянную лошадку и направился к выходу, продолжая торговаться с евнухами:

— Не будем затруднять дядюшку Лю. Просто у меня правда нет четырех лянов серебра. Вы все меня знаете: я изо дня в день кручусь ради всех вас. Будь у меня хоть капля корысти, я бы не то что четыре — сорок лянов наскреб! Но никак не ожидал, что открываю душу людям, а со мной...

— Господин Цин, не гневайтесь! — Евнухи испугались по-настоящему задеть Цинхэ и перешли к делу: — Лошадку оставьте здесь, заберете послезавтра. Ручаемся, унесете как новенькую! Что до серебра — сколько наберете, столько и дадите. А если не хватит, мы сами доплатим!

Только тогда Цинхэ прекратил свое показушное рвение уйти, обернулся к говорившему евнуху и с признательностью произнес:

— За одну такую доброту, даже если дело сорвется, я буду знать, что не зря подружился с вами!

Лу Цзыяо слушал это, ошеломленно хлопая глазами. Он и не подозревал, что этот хитрец Цинхэ закрутил такую длинную комбинацию: одолжение, которое он хотел вытребовать, предназначалось вовсе не дядюшке Лю, а всей этой братии евнухов из Ведомства внутренних дел!

Похоже, с самого начала Цинхэ разыгрывал спектакль для всех присутствующих, твердо намереваясь вернуть себе долги за те услуги, что оказывал последние два года. И теперь добился своего.

Лу Цзыяо чувствовал смешанные чувства. По сути, можно было просто туманно намекнуть, что это казенное дело, да выдать небольшие чаевые мастеру, и на этом бы все закончилось. А Цинхэ пришлось пустить в ход столько связей — поистине пошел на жертвы.

Позже Цинхэ с глазу на глаз с Лу Цзыяо предложил заплатить в общей сложности один лян серебра — пополам на брата.

То есть от Лу Цзыяо требовалось полполтинника.

Такая сумма вполне устраивала Лу Цзыяо. На самом деле он был готов выложить и целый лян, но не мог соглашаться слишком легко: прояви он готовность, Цинхэ решил бы, что тот наживается на нем, и счел бы себя благодетелем. Поэтому Лу Цзыяо с озабоченным видом пожаловался:

— Брат, ты же знаешь, мне родня на месяц дает всего восемьсот монеток, а в этом месяце я уже потратил...

— Эх! Тот прохвост заломил четыре ляна! Я лицо свое подставил, чтобы вытребовать эту милость, так что не притворяйся нищим! Где ты возьмешь эти деньги — у родителей попросишь или в долг займешь — но подай мне их сполна! — перебил Цинхэ. — Думаешь, мне легко? Мне тоже придется идти домой за деньгами и получать нагоняй! Кто виноват, что мы навели шороху? Хватит мямлить, давай наберись решимости!

Только после этого Лу Цзыяо с печальным видом согласился.

Через день они вместе отправились забрали деревянную лошадку, заплатив один лян серебра.

Евнухи с улыбками приняли деньги, ничуть не изменившись в лице — видимо, с самого начала догадывались, что Цинхэ заплатит именно столько.

Дежурным плотником в тот день был не дядюшка Лю — вполне вероятно, что евнухи проучили его.

Раз его не было, ни Лу Цзыяо, ни Цинхэ из понятливости ничего спрашивать не стали.

Лу Цзыяо внимательно осмотрел отреставрированные места отломанного хвоста и уха лошадки — трещин не было видно вовсе. Мастерство дворцовых умельцев и впрямь оказалось филигранным.

Новая цветная краска успела просохнуть. Она не выглядела кричащей, лишь придала игрушке свежий и ухоженный вид. Наверняка служанки седьмого принца не смогут придаться.

Поблагодарив людей из Ведомства внутренних дел, они отправились во дворец Цинцун.

Цинхэ по-прежнему не соглашался входить во дворец и предпочёл остаться снаружи. В конце концов, он провинился перед седьмым принцем и полагал: чем меньше попадаешься на глаза, тем лучше, чтобы не усугублять плохой след в памяти.

Лу Цзыяо и не собирался вести его с собой. История с починкой лошадки наглядно показала, что Цинхэ — человек не слишком толковый в делах, и его присутствие могло только все испортить. Куда надежнее действовать в одиночку.

В этот раз Лу Цзыяо специально дождался часа Шэнь, прежде чем попросить слугу доложить о своем прибытии, дабы не потревожить дневной сон маленького принца.

Как и в прошлый раз, его провели в гостиную.

Однако на этот раз си-фэй не уезжала из дворца. Услышав, что чтец третьего принца пришел вернуть починенную деревянную лошадку, она лично вышла в гостиную принять гостя.

Лу Цзыяо думал, что снова увидит тётушку Ицю, поэтому едва кто-то вошел, как он с лучезарной улыбкой поднял голову, намереваясь поздороваться, но неожиданно замер, пораженный ослепительной красотой си-фэй.

Си-фэй попала ко двору Императора Великой Ци в пятнадцать лет, в семнадцать родила сына, а сейчас ей не исполнилось и двадцати. Своим обликом и станом она походила на юную девушку: кожа её белела словно застывший жир даже без капли белил, а черты лица отличались безупречным изяществом.

Она была танцовщицей, присланной в дань из иноземных земель, однако в её обличье с трудом угадывались чужестранные черты. Строгое платье с широкими рукавами, белоснежным исподом и накидкой цвета фисташки в полной мере подчеркивало восточную утонченность.

Лишь присмотревшись, можно было заметить более глубокие очертания лица и светлые, словно цветное стекло, глаза, отличавшие её от обычных ханьцев.

Стоило прекрасным глазам си-фэй мимоходом скользнуть по Лу Цзыяо, как в его голове на мгновение образовалась пустота, но он вовремя склонил голову и отдал поклоны.

— Оставь церемонии, — си-фэй прошествовала мимо Лу Цзыяо с высокомерным видом и холодно вымолвила: — Люди третьего принца — высокопоставленные гости, мне не по чину принимать от тебя поклоны.

Она даже не взглянула на отремонтированную лошадку, а прошла прямо к креслу и опустилась в него. Ледяной взгляд си-фэй уперся в Лу Цзыяо:

— Его Величество изволил сказать, что третий принц глубоко раскаивается. Правда ли это? Если третий принц еще не до конца выместил свою злобу, унеси эту лошадку во дворец Линью и дай ему расколотить ее вдребезги! Лишь бы он вымещал гнев на деревяшке, ведь Седьмой еще мал и не вынесет тех ударов, которыми разбивали эту игрушку.

Лу Цзыяо не ожидал, что эта юная красавица всё еще вне себя от гнева. В прошлый раз ее

просто не оказалось во дворце, оттого она и не сочла нужным прийти и спросить с него лично. На этот раз он попал прямо под горячую руку.

И это было неудивительно: её малолетнего сына прилюдно унизил третий принц со своими приспешниками. Любая мать не смогла бы снести подобного.

Поразмыслив, Лу Цзыяо поклонился и доложил:

— Третий принц искренне раскаивается. Он осознал, что его шутка зашла слишком далеко, и последние два дня безвыходно сидит в кабинете, размышляя о своих проступках и переписывая книги для укрощения нрава.

Си-фэй оставалась хмурой и, опустив глаза, прохладно заметила:

— Так он переписывает книги? Неудивительно, что у него нет времени прийти самому и он подослал к моему взору ребенка. А я-то думала, он затаил обиду из-за выговора Императора. Впрочем, тун-фэй вчера как раз приглашала меня посмотреть... Кхм...

Она не успела договорить, как её сотряс приступ кашля. Служанка торопливо поднесла чашку с чаем.

Си-фэй, похоже, почувствовала головокружение: одной рукой она прижалась ко лбу, другой оттолкнула чашку и, прикрыв глаза, слегка переводила дыхание. Её хрупкий, болезненный вид искренне вызывал сочувствие.

Однако, глядя на нее, Лу Цзыяо вспомнил один из эпизодов первой части романа: после того как третий принц обидел седьмого принца, родная мать третьего принца, тун-фэй, лично пришла во дворец Цинцюн принести извинения и даже пригласила си-фэй вместе посмотреть представление.

При этой мысли лицо Лу Цзыяо мгновенно изменилось.

Он вспомнил! В этом отрывке сюжета тун-фэй притворилась полной раскаяния и преподнесла си-фэй множество подарков, желая умиловить её. И среди этих подношений находился мешочек с успокаивающим благовонием...

<http://bllate.org/book/18379/1766781>